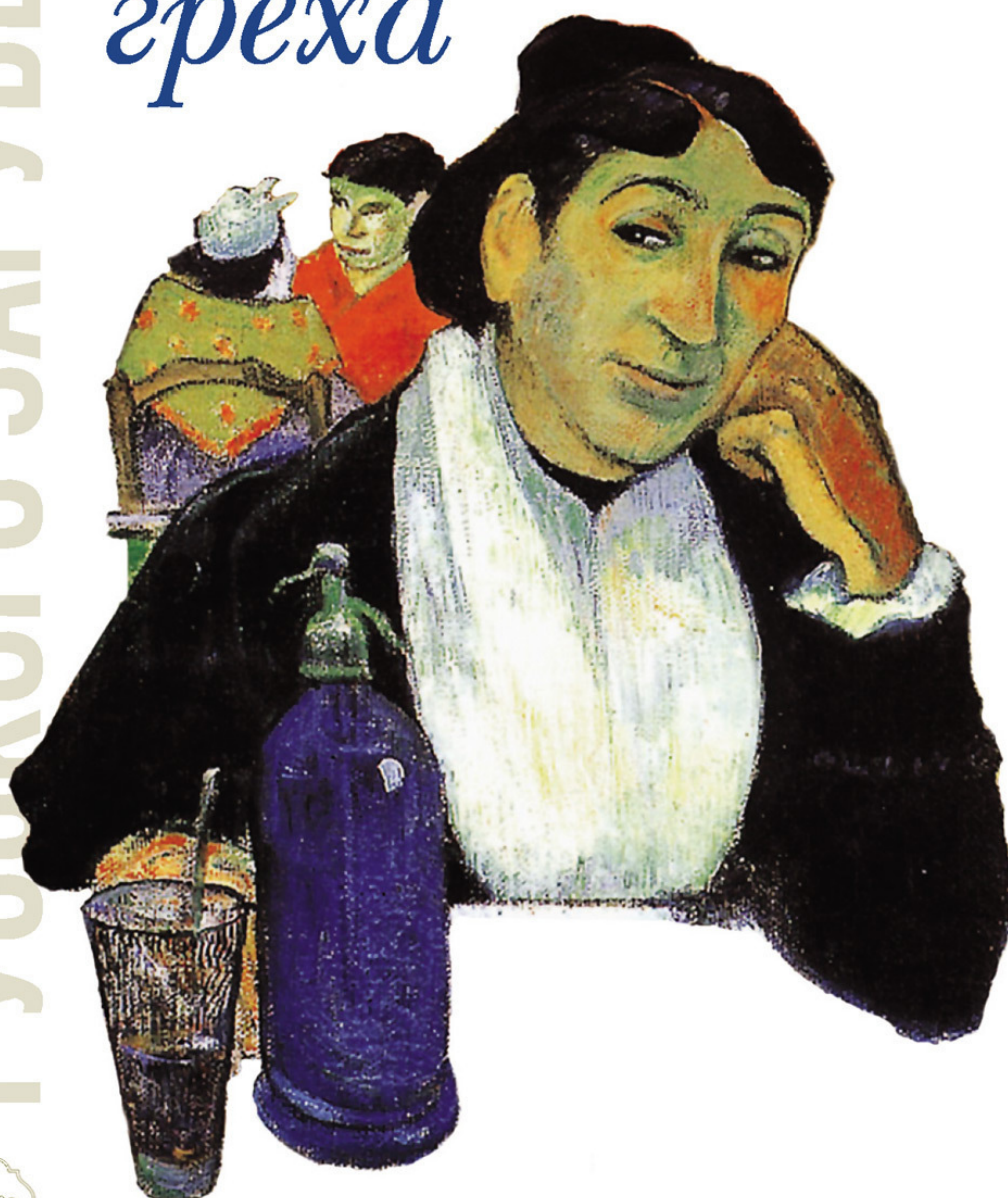

Архиепископ
Иоанн (Шаховской)

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

*Апокалипсис
мелкого
греха*

Издательство Сретенского монастыря

Духовное наследие Русского зарубежья

Дмитрий Шаховской

Апокалипсис мелкого греха

«Издательство Сретенского Монастыря»

2007

УДК 271.22(470+571)-72
ББК 86.372

Шаховской Д. А.

Апокалипсис мелкого греха / Д. А. Шаховской — «Издательство Сретенского Монастыря», 2007 — (Духовное наследие Русского зарубежья)

ISBN 978-5-7533-0609-8

В сборник вошли избранные статьи известного иерарха Русского зарубежья и талантливое духовное писателя архиепископа Иоанна (Шаховского). Они посвящены разным областям человеческой жизни и могут быть полезны для широкого круга читателей.

УДК 271.22(470+571)-72
ББК 86.372

ISBN 978-5-7533-0609-8

© Шаховской Д. А., 2007
© Издательство Сретенского
Монастыря, 2007

Содержание

Апокалипсис мелкого греха	6
О смехе	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Архиепископ Иоанн (Шаховской)

Апокалипсис мелкого греха: Избранные статьи

*Рекомендовано к публикации
Издателским Советом
Русской Православной Церкви
ИС 11-108-0781*

© Сретенский монастырь, 2007

Апокалипсис мелкого греха

Но имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою.
Откр 2, 4

Мелкий грех, как табак, до того вошел в привычку человеческого общества, что общество ему предоставляет всяческие удобства. Где только нельзя найти папирос! Везде можно найти пепельницу, повсюду существуют специальные комнаты, вагоны, купе – для курящих. Даже не будет преувеличением сказать, что мир представляет собою одну огромную комнату, вернее, один огромный вагон в межзвездных сферах: для курящих. Курят – мелко-спокойно грешат все: старые и малые, больные и здоровые, ученые и простые... Преступнику перед казнью позволяют выкурить папиросу. Словно воздуха мало в земной атмосфере или слишком пресный он – надо создать себе какой-то дымный, ядовитый воздух и дышать, дышать этим ядом, упиваться этим дымом. И вот все упиваются. До того, что некурящий – явление почти такое же редкое, как и никогда не лгущий или ни над кем не возносящийся... Табачный рынок – один из самых значительных в мировой торговле, и ежегодно миллионы людей трудятся для доставления возможности другим миллионам и миллионам вдыхать едкий дым, овеять его наркозом свою голову и весь организм.

В природе ли человека мелко, наркотически грешить – курить? Станным представляется самый вопрос. В природе ли человека идти против природы? В природе ли наркотировать себя? Услаждение кокаином правительства запрещают, а табаком поощряют. Мелкие грехи человеческим законом дозволяются, в тюрьму они не приводят. Все повинны в них, и никто не хочет бросать в них камень. Табак, как «маленький кокаин», дозволен, как маленькая ложь, как незаметная неправда, как убийство человека в сердце или в утробе. Но не то говорит Откровение Божие – воля Живого Бога. Господь не мирится ни с маленькой ложью, ни с единым убийственным словом, ни с одним прелюбодейным взглядом. Маленькая травка беззакония столь же окаянна перед Господом, сколь большое дерево преступления. Множество малых грехопадений, несомненно, тяжелее для души человека, чем несколько великих, всегда стоящих в памяти, могущих всегда быть снятыми в покаянии. И святой, конечно, не тот, кто делает великие дела, но кто удерживается и от самых малых преступлений.

Против великого греха легче начать борьбу, легче возненавидеть его приближение. Известен случай с преподобным Антонием Муромским. К нему пришли две женщины: одна сокрушалась о своем одном великом грехе, другая самодовольно свидетельствовала о своей непричастности ни к каким большим грехам¹. Встретив женщин на дороге, старец велел первой пойти и принести ему большой камень, а другой – набрать поболее мелких камешков. Через несколько минут женщины возвратились. Тогда старец сказал им: «Теперь отнесите и положите эти камни точно в те места, откуда вы их взяли». Женщина с большим камнем легко нашла то место, откуда она взяла камень, другая же тщетно кружилась, ища гнезда своих мелких камешков, и возвратилась к старцу со всеми камнями. Прозорливый Антоний объяснил им, что эти камни выражают. У второй женщины они выражали многочисленные грехи, к которым она привыкла, считала их ни за что и никогда в них не каялась. Она не помнила своих мелких грехов и вспышек страстей, а они выражали безотрадное состояние ее души, не способной даже к покаянию. А первая женщина, помнившая свой грех, болела этим грехом и сняла его со своей души.

Множество малых, недостойных привычек – тина для души человека, если человек утверждает их в себе или осознал как неизбежное зло, против которого не стоит и нельзя бороться. Вот тут-то и попадает душа в западню врага Божьего. «Я не святой», «я в миру живу», «я должен жить, как все люди», – успокаивает себя ноющая совесть верующего чело-

века. Человек, человек, конечно, ты не святой; конечно, ты живешь в миру и должен жить, как все люди, и потому – рождайся, как все люди, умирай, как они, смотри, слушай, говори, как они, но зачем тебе преступать закон Бога – как они? Зачем тебе нравственно так неблагоухать, как они? Задумайся над этим, человек.

Как трудно сдвинуться душе с ложной, но привычной мысли. Психология атеистического мира сего так крепко въелась в психический мир современного человека, что в отношении греха и преступления против Божьих законов почти все люди действуют одинаково – по штампу. Самое же печальное, что зло внушило людям требованиями природы называть требования греха. Требования природы – дышать, в меру питаться, согреваться, уделять часть суток сну, но никак не наркотировать свой организм, бессмысленно привязываться к миру, к дыму.

Ведь стоит только честно задуматься над этим вопросом, как зло само всплывает на поверхность совести. Но в том-то и дело, что современному человеку некогда задуматься над единственно важным вопросом, касающимся не маленькой этой 60–70-летней жизни, но вечности ее бессмертного существования в новых, великих условиях. Поглощенный совсем неверно понимаемой практикой, человек современный, погрузившись в свою практически-земную жизнь, думает, что он в самом деле «практичен». Горестное заблуждение! В минуту своей неизбежной (всегда очень близкой от него) так называемой смерти он воочию увидит, как мало практичен он был, сведя вопрос практики к потребностям своего желудка и совсем забыв свой дух.

А пока человеку действительно некогда задуматься над элементарными нравственными законами своей жизни. И несчастный человек сам страдает невыразимо от этого. Как ребенок, непрестанно касающийся огня и плачущий, человечество непрестанно касается огня греха и похоти, и плачет, и страдает, но – снова и снова касается... не понимая своего состояния духовной детскости, которая в Евангелии называется «слепотою» и есть действительная слепота сердца при наличии физических глаз.

Человечество само себя убивает чрез грех, и каждый человек так же. Обуреваясь, волнуясь злом, разнуждая низшие инстинкты, человечество себе готовит страшную судьбу, как и каждый человек, идущий этим путем. Сеющие ветер – пожнут бурю. И вот над этим, над единственно важным, – некогда задуматься... «Живи мгновеньем», «что будет, то будет» – отмахивается душа от самой истины, внутри ее говорящей, что надо ей войти в себя, сосредоточиться, осмотреть привязанности своего сердца и подумать о своей вечной участи. Творец мира велел заботиться человеку только о дне; мир велит заботиться только «о мгновении», погружая человека в море забот о всей жизни!

Тема о нравственно маленьком совсем не мелка. Здесь отражение апокалиптического упрека Божьего христианскому миру, что он «забыл первую любовь свою». Сколь чище и нравственно выше человека сейчас даже та пошатнувшаяся природа, из которой создано его тело. Как чист камень, готовый вопиять против людей, не воздающих славу Богу, как чисты цветы, деревья в своем чудном кругу жизни, как великолепно покорны закону Творца звери в чистоте своей. Божья природа не курит, не наркотируется, не развратничает, не вытравливает Богом данного плода. Бессловесная природа учит человека, как нужно нести крест послушания Богу среди всех бурь и страданий этой жизни. Нужно человеку задуматься над этим.

Некоторые думают, что все происходящее здесь, на земле, не будет иметь никаких последствий. Человеку с нечистой совестью, конечно, так приятнее думать. Но зачем обманывать себя? Рано или поздно придется увидеть ослепительную тайну чистоты мироздания.

Мы себя ощущаем как жизнь. Неужели же мы себя так мелко расцениваем и так неглубоко понимаем Того, Кто сотворил миры, чтобы думать об этой земной жизненной суете как о бытии человека? Мы гораздо более и выше того, что мы привыкли здесь, на земле, считать не только своею жизнью, но даже своими идеалами. Но мы – зерно, положенное в землю. И

потому нам сейчас не видна поверхность вселенной, та истинная картина природы, которая откроется нашим глазам в минуту так называемой смерти, то есть для всех весьма скоро.

Что такое смерть? Смерть – это совсем не гроб, не балдахин, не черная повязка на руке, не могила в глине. Смерть – это когда росток жизни нашей вылезет на поверхность земли и станет под прямые лучи Божьего солнца. Умереть и прорасти зерно жизни должно еще здесь, в земле. Это так называемое в Евангелии «рождение духом», «второе рождение» человека. Смерть же тела есть оставление ростком земли, выход из земли. Всякого человека, получившего хотя бы самую маленькую духовную закваску, хотя бы самую незначительную евангельскую жемчужину «внутри себя», ожидает совсем не смерть, и даже – далеко не смерть. Для мертвых же духом, конечно, гробы, могилы, черные повязки – это все реальности. И их духу нельзя будет выйти на поверхность истинной жизни, ибо они на земле для себя, для грехов своих не умерли.

Как яйцо, мы закрыты от иного мира тонкой скорлупой тела. И скорлупки наши бьются одна за другой... Блажен человек, который окажется живым, сформированным для будущей жизни организм. Достоин плача состояние того, кто окажется бесформенной жидкостью... и еще даже может быть отвратительной по своему нравственному запаху!

Здесь, на земле, мы истинно в темноте духа, в утробе его. И неужели не преступно, находясь в таком состоянии, не готовиться к своему настоящему рождению, но считать свой мрак – либо идеальным предельно радостным местом жизни (как считает оптимистический атеизм), либо непонятным местом бессмысленных страданий (как считает атеизм пессимистический)?

Физическим глазам смысл, конечно, не виден, но в него очень легко, более чем легко поверить, подумав над собой и над Евангелием. Об этом смысле кричит вся природа; о нем начинает кричать всякая пробудившаяся душа человека.

Как бережно всем нам, «не-проросшим» людям, надо относиться друг к другу... Как нужно оберегать друг во друге это прораствание, этот выход на вольный воздух, под Божье солнце!

Человек страшно и за все ответствен, и трудно теоретически вообразить себе несчастье того человека, который, атеистически прожив на земле «так, как будто ничего нет», вдруг очутится лицом к лицу с реальностью не только более яркой, чем эта наша земля, но даже превосходящей все наши понятия о реальности... Не об этих ли душах страдал Господь в Гефсиманском саду? Во всяком случае, и за них Он принял страдание Креста.

Если бы видимое небо не отделяло нас от неба невидимого, мы бы содрогались от тех несоответствий Духа, которые существуют меж ангельской торжествующей церковью и нашей земной церковью, почти не воинствующих, дряблых человеческих душ. Мы бы ужаснулись и поняли бы ясно ту истину, которая нам сейчас непонятна: что сделал для нас Господь Иисус Христос и что Он делает для каждого из нас. Его спасение мы представляем себе почти теоретически, абстрактно. Но когда бы мы увидели, с одной стороны, белоснежные сонмы молниелучных чистых духов, огненных, пламенных, горящих невообразимой любовью к Богу и устремленных ко спасению всего творения, и, с другой стороны, увидели бы землю с ее сотнями миллионов полулюдей, полунасекомых, с сердцами, устремленными только к земле, людей, пожирающих друг друга, самолюбивых, сластолюбивых, деньголюбивых, несговорчивых, одержимых прилипшими к ним темными силами, мы бы ужаснулись и вострепетали. И нам бы предстала ясная картина безусловной невозможности спасения «естественными» путями. Рассуждения оккультистов об эволюционном движении перевоплощающегося человечества ввысь нам бы показались, в лучшем случае, безумными. Мы бы увидели, что тьма над человечеством не редет, но сгущается... И мы бы поняли, что сделал для людей Воплотившийся на их земле Творец. Мы бы увидели, как колоски даже с одним зернышком берутся небесными жнецами на небо, что *малейшая искра Христова в человеке* – как единое зернышко в колоске – уже спасает этого человека. Все темное зачеркивается, отсекается, берется одна только искра, и

она становится вечной жизнью человека. Слава спасению Христову! Воистину мы ничего не имеем в себе, кроме своего лежащего в прахе достоинства человеческого. И из этого праха мы возникаем благодатью Христовой и искрой уносимся в небо. Но уносимся, если зажглась в нас эта искра любви к Богу, если мы способны оттолкнуться душой от всего смертного в мире, способны заметить это смертное в малейшем и так же оттолкнуть его от себя. Чуткость к малейшему в себе будет для нас показатель здоровья нашей души. Если атомы действительно заключают в себе точные солнечные системы, то это прекрасный пример органической однородности всякого греха: малого и большого.

Речь о необходимости отвержения даже самого мелкого греха приводит нас к самому важному вопросу человеческой жизни: вопросу о жизни после смерти.

Откровение Церкви утверждает, что не освободившаяся от той или иной страсти душа перенесет эту свою страсть в потусторонний мир, где ввиду отсутствия тела (до воскресения) невозможно будет эту страсть удовлетворить, отчего душа будет пребывать в непрестанном томлении самосгорания, непрестанной жажде греха и похоти без возможности ее удовлетворить.

Гастроном, только и думавший в своей земной жизни что о еде, несомненно, будет мучиться после своей смерти, лишившись плотской пищи, но не лишившись духовной жажды к ней стремиться. Пьяница будет невероятно терзаться, не имея тела, которое можно удовлетворить, залив алкоголем, и тем немного успокоить на время мучающуюся душу. Блудник будет испытывать то же чувство. Деньголюбец – то же... Курильщик – то же.

Легко сделать опыт. Пусть курильщик не покурит двое-трое суток. Что он будет испытывать? Известное мучение, смягчаемое еще всеми отношениями и развлечениями жизни. Но отнимите жизнь с ее развлечениями... Страдание обострится. Страдает не тело, но душа, живущая в теле, привыкшая через тело удовлетворять свою похоть, свою страсть. Лишенная удовлетворения, душа страдает. Так страдает, конечно, и душа богатого грешника, вдруг лишившаяся богатства, покоелюбца, лишившаяся покоя, душа самолюбца, получившая удар по самолюбию... Сколько самоубийств было на этой почве! Все это опыт, голый опыт нашей земной жизни. Уже здесь, на земле, мы можем проделывать опыты над своей душой. Следует каждому человеку быть дальновидным. Нужно оберегать свой дом от подкопа (см.: Мф 24, 43).

Чувствуя это, неужели можно спокойно предаваться страстям или даже делить их на серьезные и невинные? Ведь огонь все равно огонь – как доменной печи, так и горящей спички. И тот и другой мучителен для человека, касающегося его, и может быть смертелен. Нужно понять эту несомненную истину, что всякая страсть, всякая злоба, всякая похоть есть огонь.

Божий закон заключил инстинкты тела человеческого в рамки, а волевой и раздражительной энергиям души дает истинное направление, чтобы удобно и легко шел человек к одухотворению. Как назвать того человека, который, понимая все это, спокойно и легкомысленно относится к своим страстям, извиняет их, усыпляя все признаки спасительной чуткости в своей душе?

Надо прежде всего *перестать оправдывать свою похоть* – даже самую малейшую, надо осудить ее пред Богом и самим собой. Надо взмолиться об избавлении, о спасении. Спаситель Господь называется Спасителем не отвлеченно, но реально. Спаситель спасает от всех слабостей и страстей. Он избавляет. Он исцеляет. Совершенно видимо, ощутительно. Исцеляя, прощает. Прощение есть исцеление того, что надо простить. Дается оно только алчущим и жаждущим этой правды. Просто хотящим, тлеющим в желании своем не дается исцеления. Горящим же, пламенеющим, умоляющим, стремящимся сердцем – дается. Ибо только такие способны оценить дар Божьего исцеления, не растоптать и возблагодарить за него, чутко охранить именем Спасителя от новых искушений зла.

Конечно, курение – очень небольшая похоть, как и спичка – небольшим огонь. Но и эта похоть – духопротивна, и невозможно себе даже представить кого-либо из ближайших Господних учеников, курящих папиросы.

«Уничтожай малую похоть», – говорят святые. Нет такого желудя, который не заключал бы в себе дуба. Так и в грехах. Малое растение легко выпалывается. Большое требует специальных орудий для своего искоренения.

Духовный смысл курения и всех мелких «оправдываемых» противозаконий духа есть распущенность. Не только тела, но и души. Это есть ложное успокаивание себя (своих «нервов», как говорят иногда, не вполне сознавая, что нервы – плотское зеркало души). «Успокаивание» это ведет ко все большему удалению от истинного покоя, от истинного утешения Духа. Это успокоение – мираж. Сейчас, пока есть тело, его надо возобновлять постоянно. После это наркотическое успокоение будет источником мучительной плененности души.

Надо понять, что «срывающий», например, свою злобу – тоже «успокаивается». Но, конечно, лишь до нового припадка злобы. Успокаивать себя удовлетворением страсти нельзя. Успокоить себя можно, лишь противопостав страсти, удержавшись от нее. Успокоить себя можно, лишь понеся крест борьбы против всякой страсти, даже самой мельчайшей, крест ее неприятия в свое сердце. Это путь истинного, твердого, верного и – главное – вечного счастья. Поднявшийся над туманом видит солнце и вечно голубое небо. Поднявшийся над страстями входит в сферу мира Христова, неописуемого блаженства, начинающегося уже здесь, на земле, и доступного каждому человеку.

Миражное счастье – папироса. Такое же, как на кого-нибудь рассердиться, пред кем-нибудь погордиться, покрасить для людей свои щеки или свои губы, украсть маленький кусочек сладости – маленькую копеечку с церковного блюда Божьей природы. Не нужно искать таких счастлих. Их прямое, логическое продолжение – кокаин, удар по лицу человека или выстрел в него, подделка ценности. Блажен человек, кто, найдя такое счастье, оттолкнет его с праведным и святым гневом. Это царствующее в мире демоническое счастье есть блудница, вторгнувшаяся в брак души человеческой со Христом, Богом истины и чистой блаженной радости.

Всякое утешение вне Духа Святого Утешителя есть тот безумный соблазн, на котором строят свои мечты устроители человеческого рая. Утешитель – один только творческий Дух истины Христовой.

Молиться духом, куря папиросу, невозможно. Невозможно проповедовать, куря папиросу. Перед входом в храм Божий откидывается папироса... *но храм Божий – ведь это мы.*

Кто хочет каждую минуту быть храмом Божиим – откинет папиросу, как всякую ложную мысль, всякое нечистое чувство. Отношение к маленькому душевному движению в себе – термометр горячности веры человека и его любви к Богу.

Можно себе представить такой жизненный пример: табак как растение не имеет в себе никакого зла (как и золотой песок, как и хлопок, из которого выделяется денежная ассигнация). Абрикос – Божье растение. Алкоголь бывает очень полезен организму человека в известные минуты и в известных дозах, ничуть не противореча духу, как умеренный чай или кофе. Дерево, материя, из которых делается мебель, все – Божье... Но теперь возьмем эти слагаемые в следующем сочетании: в мягком кресле развалился человек и курит гаванскую сигару, ежеминутно прихлебывая из стоящей около него рюмки абрикотин... Может ли этот человек в таком состоянии вести беседу о Живом Боге – творить молитву Живому Богу? Физически – да, духовно – нет. Почему? Да потому, что человек этот сейчас распущен, его душа утонула и в кресле, и в гаванской сигаре, и в рюмке абрикотина. В эту минуту у него почти нет души. Он, как блудный сын Евангелия, скитается «в далеких краях». Так может человек потерять свою душу. Теряет ее человек все время. И хорошо, если и все время опять находит ее, борется, чтобы не терять, дрожит над душою своею, как над любимым младенцем своим. Душа – младенец бессмертия, беззащитный и жалкий в условиях окружающего нас мира. Как нужно при-

жимать к груди своей, к сердцу своему свою душу, как нужно любить ее, предназначенную для вечной жизни! О, как нужно счищать даже малейшее пятнышко с нее!

Сейчас был представлен пример невозможности сохранить свою душу, сластолюбиво распределив ее по окружающим предметам: креслу, сигаре, ликеру. Пример взят особенно красочный, хотя бывают в жизни и еще более красочные. Но если взять не красочный, а серый, но того же распущенного духа, – все останется той же самой атмосферой, при которой меньшим грехом будет молчать о Христе, чем говорить о Нем. Вот где разгадка того, почему мир молчит о Христе, почему ни на улицах, ни в салонах, ни на дружеских беседах люди не говорят о Спасителе вселенной, о Едином Отце мира, несмотря на множество людей, верующих в Него.

Не всегда перед людьми стыдно говорить о Боге; иногда перед Богом стыдно бывает говорить о Нем людям. Мир инстинктивно понимает, что в той обстановке, в которой он находится все время, – меньше греха молчать о Христе, чем говорить о Нем. И вот люди молчат о Боге. Страшный симптом. Наводняется мир легионами слов, одержим язык человека этими пустыми легионами, и – ни слова, почти ни слова о Боге, о начале, конце и средоточии всего.

Ибо сказать о Боге – это сейчас же обличить себя и весь мир. И если слово о Боге все же сказано, его трудно договорить до конца – и пред собой, и пред миром.

Если у человека нет отвращения к своим маленьким грехам, – он духовно нездоров. Если есть отвращение, но нет сил преодолеть слабость, значит, она оставляется до того времени, пока человек не проявит свою веру в борьбе с чем-нибудь более для него опасным, чем данная слабость, а она оставляется ему для смирения. Ибо немало людей на вид беспорочных, не пьющих и не курящих, но подобных, по слову Лествичника, «гнилому яблоку», то есть исполненных явной или тайной гордыни. И нет возможности смирить их гордыню, как только каким-либо падением. Но останется вне Царствия Божия и его законов тот, кто сам, по тем или иным соображениям, разрешит себе мелкие грехи. Такой человек, усыпляющий свою совесть, делается не способен преступить грань подлинной жизни духа. Он остается всегда подобен юноше, подходящему ко Христу и сейчас же отходящему от Него с печалью или даже иногда без печали, а просто чтобы... «покурить»!

Ригоризм и пуританство чужды евангельскому духу. Фарисейская праведность без любви – более темна в очах Божиих, чем всякий грех. Но и теплохладность христиан в исполнении заповедей – так же темна. Как фарисействующие, так и торгующие и курящие в храме Божьем – одинаково изгоняются из храма.

Ибо воля Божия есть «освящение наше» (см.: 1 Фес 4, 3). Чуткая совесть сама изострит зрение для обнаруживания той чуждой пыли, которая лежит на ранах души.

Сын Божий и Сын Человеческий дал нам одну заповедь для жажды: *«Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть»* (Мф 5, 48). В ней Господь как бы говорит: «Люди, Я не даю вам меры – определите ее сами. Определите сами меру вашей любви к чистоте Моей и вашего послушания этой любви».

О смехе

Есть два смеха: светлый и темный. Их сейчас же можно различить по улыбке, по глазам смеющегося. В себе его различить можно по сопровождающему духу: если нет легкой радости, тонкого, смягчающего сердце веяния, то смех – несветлый. Если же в груди жестко и сухо и улыбка кривится, то смех – грязный. Он бывает всегда после анекдота, после какой-нибудь насмешки над гармонией мира. Искривляемая гармония мира искривляет душу человека, и это выражается в кривлении черт лица.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.